нибудь подвигъ въ Молдавіи или съ Молдаванами. Онъ былъ 19 лѣтъ невольникомъ на галерѣ и освободился *хитростью вмѣстѣ съ 300 товарищей рабства:* то же воспѣто и бандуристомъ, исключая невѣрности въ числѣ годовъ неволи. Въ этомъ случаѣ исторія правдоподобнѣе поэзіи: если человѣкъ пробылъ *невольникомъ въ цѣпяхъ на галерѣ девятнадцать лѣтъ*, онъ еще можетъ быть въ силѣ; но *пятдесятъ четыре года* подобной жизни, кажется, трудно было вынесть даже Запорожцу тогдашняго времени. Притомъ же мы часто видимъ въ старинныхъ думахъ преувеличенія. Такъ Коновченко убиваетъ *двѣнадцать* Татаръ и *шестерыхъ* вяжетъ на арканъ; такъ въ пѣснѣ о Морозенкѣ *сказано* о битвѣ козаковъ съ Татарами:

«Ой лежить трупу, да лежить трупу
Орды на три мили»!

Остаются два обстоятельства къ разъясненію: первое о прибытіи Молдавилда въ Венецію, а второе — о несовпаденіи похода Скалозуба къ берегамъ Чернаго моря съ появленіемъ Молдавилда въ исторіи. На первое трудно отвѣчать, потому что у Ригельмана нѣтъ никакихъ ссылокъ, по обыкновенію; но все можно замѣтить, что Молдавилдо, хитростью овладѣвшій галерою, не могъ безопасно и легко пройти къ Константинополю и оттуда въ Средиземное море. Несовпаденіе же Скалозубова похода съ историческимъ появленіемъ Молдавилда можно изъяснить тѣмъ, что нѣтъ никакой надобности искать тождества въ Демьянѣ Скалозубѣ съ Семеномъ Скалозубомъ, и еще болѣе тѣмъ, что историкамъ Малор. совершенно не было извѣстно послѣдовательное избраніе кошевыхъ Запорожскихъ. Скалозубовъ могло быть множество, потому что это Запорожское прозвище. Слово же *Гетманъ Запорожскій* многими несовершенно понято. Въ думѣ очевидно это кошевой; да и вообще гетманы Малороссійскіе неизвѣстно отчего начали только со времени Сагайдачнаго именоваться Запорожскими. Запорожье или совершенно не было подчинено гетманамъ Малороссійскимъ, или подчинялось непрочнымъ и неопредѣленнымъ образомъ.

На страницѣ 218 послѣ мѣста: «За ярьзу військового заставляли. Тогдѣ гапкру одъ пристани одпускали, сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли» — есть мѣсто:

«Да ще у недѣлю барзо рано по раненьку, не сива зозуля ковала: якъ дѣвка Санджаковна коло пристани походжала, да бѣли руки ломала, словами промовляла: Алкане-Пашо, Трапезоньське княжа, за що ты на мене таке велике пересердіе маешъ, що одъ мене барзо рано сёгодня одъѣзджаешъ? Колибъ була знала, одъ отца й матусѣ гароня й наруги приняла, и пр.

Вотъ все, что считалъ я необходимымъ упомянуть при этой пѣснѣ, которую я списалъ съ Лукашевича, изрѣдка только измѣняя по своимъ варіантамъ.

Дума о *Коновченкѣ*. У Князя Цертелева, (а слѣдовательно и у Максимовича, списавшаго слово въ слово у князя) дума эта имѣетъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ у Лукашевича, записавшаго со словъ бандуриста. Но и послѣдній записалъ, хотя и «не мудрствуя лукаво», несовершенно правильно. Впрочемъ виноватъ не Лукашевичъ, а бандуристъ. Я слышалъ тоже почти такъ и въ Кіевской и въ Полтавской губерніяхъ. Сличая печатные списки, которыхъ имѣю три, я воспользовался своими варіантами, по своему крайнему разумѣнію, строго держась *содержанія*. Даже въ сѣверной части Черниговской губерніи, кобзарь мнѣ пѣлъ эту думу, хотя исковерканнымъ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, хотя и страшно перепутывая событія, тѣмъ не менѣе сохраняя тотъ смыслъ, которымъ отличается списокъ, мною представляемый. — Я уже лично говорилъ вамъ, что прихожу къ тому убѣжденію что думы (какъ вы и сдѣлали) должны быть писаны прозою; — а потому и пишу прозой.

Если время терпитъ, я полагалъ бы такъ: весною я буду обязанъ ѣхать въ Малороссію, какъ по своимъ дѣламъ, такъ и для археологическихъ занятій, — и еще разъ могъ бы прослушать думы на разныхъ степяхъ Украинскихъ. Кто знаетъ, можетъ быть это была бы уже послѣдняя попытка, — потому что старики почти перевелись, и я, на огромныхъ разстояніяхъ, знаю только трехъ, четырехъ бандуристовъ лѣтъ по 70-ти.

Морозенко у меня записанъ совершенно иначе, чѣмъ у Васъ и Максимовича, и даже есть *голосъ*, совершенно отличный отъ обыкновеннаго напѣва. Я хочу спасти его отъ забвенія — и попрошу какого нибудь музыканта положить на ноты.

X.

Кяхтинское Китайское нарѣчіе Русскаго языка.

Записка С. И. Черепанова.

Пять тысячь жителей, населяющихъ, во время главнаго годоваго размѣна товаровъ, сосѣдній съ Кяхтою Китайскій городокъ, Маймаченъ, будучи всѣ коренными Китайцами, большею частью пребывая тутъ временно, и часто являясь вновь, — *всѣ* говорятъ по-Русски, на искаженномъ нарѣчіи, принявшемъ впрочемъ отъ долгаго существованія постоянныя, неизмѣнныя формы. — Нарѣчіе это я назвалъ *Кяхтинскимъ*, по единственному мѣсту, гдѣ говорятъ на немъ.

Вопросъ по чему всѣ Китайцы, даже только что пріѣхавшіе въ Маймаченъ, говорятъ по-Русски, объясняется очень любопытнымъ постановленіемъ Китайскаго правительства. Въ слѣдствіе встрѣтившихся естественнымъ образомъ затрудненій, при открытіи сношеній Китайцевъ съ Русскими, отъ взаимнаго незнанія языковъ, — Китайское

правительство постановило, чтобы никто изъ Китайцевъ, желающихъ торговать въ Кяхтѣ, не могъ являться туда незная Русскаго языка.

Для изученія этого языка составленъ Словарь Русскихъ словъ, написанныхъ Китайскими іероглифами. Отсюда произошли и укоренились тѣ неправильности, которыя отличаютъ Кяхтинское нарѣчіе.

Хотя Кяхтинское нарѣчіе есть испорченный Русскій языкъ,—но его нельзя смѣшивать съ искаженіями, которыя даютъ языку Нѣмцы и другіе иностранцы, начинающіе говорить на немъ; въ послѣднихъ неправильности случайныя и измѣняющіяся отъ бо́льшаго ознакомленія съ языкомъ; въ первомъ же они постоянны около 150 лѣтъ; а за неизмѣнность ихъ на будущее время ручаются Словари, по Китайскому способу книгопечатанія, вырѣзанные на крѣпкомъ деревѣ и отпечатываемые для имѣющихъ надобность учиться Русскому языку.

Кяхтинское нарѣчіе Русскаго языка, при особенномъ устройствѣ органа голоса Китайцевъ очень не похоже на Русскій языкъ. Сами Русскіе говорятъ съ Китайцами тѣмъ же ломанымъ языкомъ и это называется въ Кяхтѣ: «говорить по Китайски».

Особенности Кяхтинскаго нарѣчія происходятъ отъ слѣдующихъ главныхъ причинъ:

1. Всѣ Русскія слова, состоящія изъ тройныхъ и болѣе слоговъ, Китайцы измѣнили по своему выговору, оставляя гласныя буквы между согласными. На примѣръ: прошу — порошу, солнце — соленыце. Слова, состоящія изъ простыхъ слоговъ, выговариваются Китайцами довольно вѣрно; на примѣръ: хорошо, молодо, молоко; только Китайцы произносятъ каждый слогъ отдѣльно: хо-ро-шо; мо-ло-до. Очень затруднительно для нихъ — названіе вина шампанское: которое они, произносятъ такъ: *ша-ма́-па-не́-се-кі́*.

2. Китайскій языкъ отличается отъ всѣхъ языковъ той оригинальною особенностью, что въ немъ слова ни въ какомъ случаѣ не измѣняются, т. е. что въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, а управляются они приставкою другихъ словъ. Это свойство Китайскаго языка придано и Кяхтинскому нарѣчію. Такъ на примѣръ всѣ существительныя имена во всѣхъ падежахъ, родахъ и числахъ имѣютъ одинаковое окончаніе и только розднятся приставными словами: за это Ивана-дома — Ивано́ва домъ, побелизанеки Ивана-дома — близь Иванова дома; Ивана-дома се̑пасибо — благодаря Иванову дому; Иванова-дома подари-было — подаренъ Иванъ домомъ; Ивана-дома поживи-еса — въ Ивановомъ домѣ живетъ; дува Ивана-дома — двухъ Ивановыхъ домовъ.

3-я. Словари Русскаго языка Китайцы составляли съ помощію Монголовъ, знающихъ Китайскій языкъ и собиравшихъ названія предметовъ и объясненія словъ отъ Русскихъ, знающихъ Монгольскій языкъ. Отъ этого многіе Русскія слова, особенно глаголы, получили окончаніе Монгольскихъ глаголовъ; напр. пить — пиху́ (по Монгол. уху); кушать — кушаху (зоглоху). Иные глаголы приняты въ повелительномъ наклоненіи, съ прибавленіемъ частицъ по: напр. сидѣть — посиди, гулять — погули, ходить — походи. бранить — побрани, бить — поколоти. Глаголы общіе и взаимные, вмѣсто окончанія *ся*, оканчиваются на *иза*: бонза — бояться, поколониза — кланяйся, подериза — дерутся, обнимиза — обнимаются. Такимъ образомъ случайно вошли въ Кяхтинское нарѣчіе Монгольскія, Китайскія и Русскія правила языковъ; точнаго опредѣленія имъ сдѣлать нельзя: одинъ навыкъ указываетъ, гдѣ и какъ ихъ употреблять. Ихъ также нельзя смѣшивать; нельзя, напримѣръ, сказать: *гулиху* вмѣсто *погули*, или *покушай* вмѣсто *кушаху*, или *ходиза* вмѣсто *походи*.

4. Неполнота Словарей заставила Китайцевъ вставить въ Русскій языкъ нѣкоторыя Монгольскія слова: адали — точно, бичиху — писать; также Китайскіе: фуза — лавка; составить новыя выраженія: соли-повѣси — умеръ, бамебуки по-чи-вай — наказанъ тѣлесно. Трудность выговаривать сложныя слова привела къ составленію вмѣсто нихъ новыхъ фразъ: ума-копе̑чайло — сумашествіе; сере̑де̑це-шило — жестокосердіе, языка-меда — краснорѣчіе, также новыя названія новымъ для нихъ предметамъ: попѣлуй па̑ре̑зе̑деника — Пасха, рука сапоги — перчатки. Наконецъ изученіе языка безъ всякаго руководства, съ одною только цѣлію знать столько, чтобы вести торговлю, естественно допустило множество неправильностей.

Неизмѣнными правилами Кяхтинскаго нарѣчія могутъ быть названы, по порядку принятому въ грамматикахъ, слѣдующія:

Изъ *буквъ* Русской азбуки не существуетъ въ Кяхтинскомъ нарѣчіи только *ъ*; она замѣняется гласною *а*: Иванъ — *Ивана*; годъ — *года*, какъ — *кака*.

Слоги, какъ выше сказано, существуютъ только простые, т. е. состоящіе изъ одной согласной и одной гласной буквы, въ тройные же и т. п. слоги, состоящіе изъ двухъ и болѣе согласныхъ и одной только гласной буквы, вставляются послѣ каждой согласной гласныя тѣ же, которыя находятся въ слогѣ, только они произносятся короче и сливаются съ предыдущими согласными (таковыя вставныя буквы въ сборникѣ словъ соединены черточками съ согласными буквами, къ которымъ приставлены: по̑рошу — прошу, си̑пиху — спать). Такимъ образомъ вставляя гласную букву между двухъ согласныхъ, ту же, которая находится въ слогѣ, можно уже говорить понятно для Китайцевъ.

Слова ни въ какомъ случаѣ не измѣняются; различіе ихъ зависитъ отъ формы, по которой они были внесены въ Словари.

Слова при произношенія раздѣляются по слогамъ, при чемъ лишаются *удареній* или повышеній голоса на одномъ слогѣ, или удареніе дѣлается большею частію на среднемъ слогѣ (мо-ло́-ко, жа-ре́-ко, ду-ра́-ки, леденёза) и есть только слѣдствіе усилія выговорить трудное слово.

Существительныя имена подверглись главному измѣненію только отъ уничтоженія тройныхъ и т. п. слоговъ и отъ замѣны окончанія *ъ* буквою *а*; состоящія же изъ простыхъ слоговъ произносятся довольно вѣрно. Всѣ они и во всякомъ случаѣ выговариваются въ именительномъ падежѣ единств. числа.

Прилагательныя имена качественныя произносятся большею частію въ уменьшительномъ видѣ, съ усѣченнымъ окончаніемъ: бѣлый — беленёки, черный — черенёки, красный — карасеньки, синій — синеньки. Обстоятельственныя замѣняются именемъ, отъ котораго произведены вёчера день — вчерашній день, завāтāра-день — завтрешній день, севоденя-день — нынѣшній день, перёва-товара — первый товаръ, лошаки-хвоса — лошадиный хвостъ, медеведи-коже — медвѣжья шкура, жонушеки-отеца — женинъ отецъ. Русскіе фамиліи или прозвища оканчиваются на *офа*: Спѣшило́фа — Спѣшиловъ, Сетерижо́фа — Стрижевъ, Сабашенико́фа — Сабашниковъ, Сиденефа — Сидневъ, Носокофа — Носковъ.

Сравнительная степень выражается приставкою нарѣчія *лучше*: за это лучёше-бѣленьки — эта бѣлѣе; превосходная — приставкою нарѣчія *шипко*: шипики-бѣленьки — наибѣлѣйшій, самый бѣлый; шипики-хорошанеки — самый хорошій.

Числительныя имена, какъ количественныя такъ и порядочныя, выговариваются одинаково: одина, дува́, тери, чо́тыре, пяти, шесети, сема, восема, девяти, десяти, о́динацати, дувунацати.... двацати.... пятидесяти.... со́та (сто), одина сота, два сота.... тысяча, миліона.

Мѣстоименія переиначены: личное я замѣнено моя; ты — твоя, тиби; онъ — ево. Всѣ склоненія мѣстоименій ограничены прибавкою частицы *за*: за-моя — мой, ко мнѣ, у меня; за-наша — нашъ, у насъ; за-его — его, къ нему, имъ; сама, сиби — себя, о себѣ, при себѣ; чей — у кого, къ кому отъ кого.

Видовъ *глаголовъ* только три: кончащіяся на *ху*: пиху. кушаху; на *иза*: подериза; и съ прибавкою частицы *по*, которыя выговариваются въ повелительномъ наклоненіи: поторгуй — торговать.

Для означенія временъ прибавляются глаголы: *было*, *еса* (есть), *буду* (будетъ):

Погули было — гулялъ, гуляли, гостили.
Погули еса — гуляю, гуляемъ, гостимъ.
Погули буду — буду гулять, буду гостить.

Мѣстоименія измѣняютъ значеніе глаголовъ:

За моя погули было — былъ у меня въ гостяхъ.
За твоя погули надо — къ тебѣ идти въ гости.
За ево погули еса — у него гощу.

Вышесказанныя окончанія глаголовъ остаются при всѣхъ залогахъ, видахъ и наклоненіяхъ неизмѣнно; стало быть окончанія эти не могутъ быть признакомъ значенія глагола, кромѣ впрочемъ окончанія *иза*, которое соотвѣтствуетъ Русскому окончанію *ся*, — и потому положительныхъ правилъ сихъ окончаній опредѣлить вовсе нельзя.

Нарѣчія употребляются почти всѣ и измѣнены только главными правилами, т. е. вставкою гласныхъ буквъ (шибко — шибико) и замѣною тупаго окончанія буквою *а* (тамъ — тама).

Причастія и *дѣепричастія* не употребляются, а замѣняются глаголами: подѣлай-поговири-еса — дѣлая говоритъ, поиграй-люди — играющій, сипиху-люди — спящій, балагура-кончай-было — шутя кончилъ.

Всѣ *предлоги*, не составляющіе слога, т. е. состоящіе изъ согласной и полугласной буквъ, или замѣняются предлогомъ *за*: за наша походи — къ намъ приходи, за наша фуза — въ нашей лавкѣ, или замѣняются нарѣчіемъ: Семена надежда месеца — Семенъ съ надеждою; за-моя-ниту — безъ меня, за-тиби не надо — безъ тебя, дома на верха — надъ домомъ; рѣка-поперева — черезъ рѣку.

Союзы не употребляются, кромѣ рѣдко употребляемаго *али* (или): хычи али нихычи — хочешь или нѣтъ?

Междометія введены Китайскія: жа — а! хао! — браво, хынь хао! — брависсимо! яя! — ай, ай! оё — вотъ оно! жа, жа, жа! — ха, ха, ха!

При данномъ Кяхтинскому нарѣчію Русскаго языка свойствѣ Китайскаго языка, не измѣнять слова и объяснять точное значеніе ихъ приставкою другихъ словъ, *словосочиненія*, можно сказать, нѣтъ: оно состоитъ въ произвольномъ наборѣ словъ съ цѣлію быть сколько нибудь понятымъ. Разговоръ составляютъ одни простыя предложенія, всегда сохраняющія связку, которая только и опредѣляетъ точное значеніе сказуемаго; на примѣръ: питица-летай-еса — птица летаетъ, лошаки-убѣжи-было — лошадь убѣжала.

Правилъ согласованія, управленія словъ и тому подобныхъ, требующихъ измѣненія словъ, также нѣтъ.

Для лучшаго ознакомленія съ Кяхтинскимъ нарѣчіемъ и показанія его правилъ помѣщаются здѣсь разговоры и разсказы:

—

Разговоръ Китайца съ женою Русскаго купца N. N.

К. Илисанедера, за тиби кака подумай, за моя пришелъ еса? (Александра, какъ полагаешь, за чемъ я пришелъ.)

N. Погули еса, господине Далай. (Въ гости, г. Далай.)

К. Погули мало; за моя подумей, како ваша закона хорошанеки: женушки мѣсяца поживу еса. (Этаго мало; я

пришелъ изъявить мое уваженіе вашему закону, дозволяющему жить здѣсь вмѣстѣ съ женами.)

N. Почёто за ваша женушеки сюда походи ниту? (Отъ чего ваши жоны сюда не пріѣзжаютъ?)

К. Закона ниту; за ево помѣшай поторговай буду. (Законъ запрещаетъ, потому что онѣ будутъ мѣшать торговлѣ.)

N. Кака можено; за наша како помѣшай ниту? (Какъ можно; отъ чего же мы не мѣшаемъ?)

К. О, за ваша особа манера; за ваша мужа жесетоки манера пожниву еса; за женушеки мѣсяца посиди нѣту; адали чужой. (У васъ другой обычай; поведеніе мужей вашихъ грубое: они никогда не бесѣдуютъ съ женами, — точно чужіе.)

N. За ваше женушеки мѣсяца посиди еса? (А вы всегда сидите со своими женами?)

К. Непеременна, за наши женушеки, адали бога подумай еса.... На тиби посемотери, адали леденеза кушаху еса.... одина дена за тиби походи нѣту, за моя соли повѣси буду. (Непремѣнно; мы женъ своихъ почитаемъ какъ божества.... Вотъ и на тебя смотря, я ощущаю сладостное чувство, — и если хотя одинъ день тебя не увижу, я увѣренъ, что умру.)

N. Э, полоноте, г. Далай, како можено тако поговори. (Полноте, г. Далай; какъ можно такъ говорить.)

К. Перямо солово; за моя фальшивайла ниту; за твоя Микита деряни люди; только рюмашеки кушаху умѣша. (Правда, я лгать не умѣю; твой Никита не хорошій человѣкъ, только и умѣетъ пить водку.)

N. За моя Микита сказывай буду, како Далай поговори еса. (Я скажу ему, что Далай говоритъ о немъ.)

К. Сказывай не надо; сама подумай можено; за моя Печинесеки походи буду; за тиби какой Печинесеки манера шолека заказывай буду. (Говорить не нужно, надо думать про себя. Я, вотъ, поѣду въ Пекинъ; что ты закажешь изъ Пекинскихъ шолковыхъ матерій?)

N. Монеза ниту г. Далай. (Денегъ нѣтъ.)

К. Положеди можено. (Можно въ долгъ.)

N. Поселе отдавай надо буду. (Потомъ нужно же заплатить.)

К. Шелатай-балетай можено. (Можно какъ-нибудь рѣшиться.)

N. За моя тако ни хычи. (Я такъ не хочу.)

К. Како хычи?... (Какъ же?...)

N. За моя хычи Микита поговори. (Я посовѣтуюсь съ Никитой.)

К. Микита особо дѣло; за тиби особо дѣло.

N. За моя тако не хычи.

К. Ну сама воля, поселя жалей буду.

—

Въ Отечественную войну изъ Кяхты купецъ Нерпинъ послалъ большую партію холста для одежды ополченій. Китайцы объ этомъ знали и вообще съ любопытствомъ слѣдили за ходомъ войны. Когда было получено въ Кяхтѣ извѣстіе о счастливомъ ея окончаніи, Китайцы говорили: «За-ваша знаша, така буди» (т. е. мы знали, что будетъ такой конецъ), и на вопросъ: почему они это знали? отвѣчали: «За ваша соледаза за наша восещанака поноси было, како можено было за ево поколоти!» (т. е. ваши солдаты были одѣты въ нашъ холстъ, такъ ихъ побѣдить никакъ нельзя было!).

—

Зайдя къ знакомому Китайцу, я нашелъ его съ огромнымъ листомъ бумаги, исписаннымъ вокругъ. Узнавъ, что это его письмо домой, я полюбопытствовалъ узнать, что онъ написалъ такъ много. «За тиби середиза буду» (ты будешь сердиться. — За что-же? — «Тута ваша манера бичи еса (Тутъ описавы ваши обычаи.). Это еще болѣе меня заинтересовало и я упросилъ прочитать мнѣ письмо по-Русски. Вотъ замѣчательное мѣсто объ одеждѣ: Одина шуба ниту, толико одинъ сукова халаза воротеника мѣха пиринивай еса. За ево маленьки курéма поде-большана курема поноси еса; туто переза шелёка, зада холесета; шолека показывай еса, побольшане курема адали ворота не запирай еса; маленька курема, сама по большенъ сутужа, дирочеки оставляй еса, за ево бѣленьки рубаха показывай надо; за тиби подумай, сама дѣла бѣленеки рубаха поноси еса? Оё, рубаха поноси толесета, посерета, тöлика за дирочеки одина бѣлешики кусока перевежи еса *поманиза* называй еса. За его шея палатока поноси еса; напереза бѣленьки кусока, адали воротиника рубаха перевязывай еса; побольшана курему рукава коротенеки, на рука бѣленеки кусока перевязывай еса: бѣла рубаха обамани надо.» (Переводъ письма: Одни носятъ настоящія мѣховыя шубы, а другія только къ суконному халату пришиваютъ одинъ мѣховый воротникъ. Еще они носятъ подъ большею курткою (фракомъ) маленькую куртку (жилетъ), у котораго передняя часть шелковая, а задняя холщевая; шелковая часть всегда на виду, для чего большая куртка (фракъ) носится не застегнутою, какъ открытыя ворота; кромѣ того, не смотря ни на какой холодъ на маленькой курткѣ (жилетѣ) дѣлается дыра для того, чтобы видна была бѣлая тонкая сорочка; — но ты думаешь, что въ самомъ дѣлѣ вся сорочка тонкая и бѣлая; не тутъ-то было: сорочки носятъ толстыя и пестрыя, а только въ помянутой дырѣ привязываютъ бѣлый кусокъ, который называется по этому *«поманить»* (манишка). На шеѣ носятъ платки, но прежде ихъ привязываютъ бѣленькіе кусочки (поллисоны), какъ бы воротникъ сорочки; у большой куртки рукава короткіе, и чтобы вполнѣ обмануть на

счетъ сорочки, то на руки привязываютъ бѣлые куски какъ бы рукава сорочки».

XI.

Изъ письма Протоіерея С. К. Сабинина къ Академику І. С. *Кочетову*.

Есть мнѣніе, что корни Симическихъ языковъ *) измѣняются *внутри:* корни же языковъ Индо-Европейскихъ измѣняются *извнѣ*, получая приставки и окончанія. Неужели *Симическія* слова въ самомъ дѣлѣ не получаютъ приставокъ и окончаній? Возьмемъ напр. слово: *яд* рука, отсюда отсюда *ядаим* двѣ руки и *ядот* рýки, или *катал* убилъ, отсюда *иткаттел*, *иткаттелну* и т. д. Неужели это не приставки и не окончанія? Тоже самое случается со всѣми измѣняемыми частями рѣчи въ Симическихъ языкахъ. Кромѣ того замѣчаютъ, что всѣ грамматическія формы Симическихъ языковъ основываются на перемѣнѣ гласныхъ корня, между тѣмъ какъ согласныя того же корня остаются безъ перемѣны. Не тоже ли самое дѣлаемъ и мы, напр. *беру*, *бралъ*, *бери*, *собираючи* и пр. Возьмите напр. Исландскій языкъ, и вы увидите, какой перемѣны не происходитъ тамъ въ гласныхъ почти каждаго слова, напр. dagr день, degi, dagar, dögum; ber несу, bar, bárum, bœri, borit. Что согласныя, при перемѣнѣ гласныхъ въ Симическихъ корняхъ, иногда измѣняются и даже исчезаютъ изъ корня, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, напр. натан далъ, тет дать, галаґ огалилъ, гели огалиты, ґиттгаллети и т. д. Въ первомъ случаѣ исчезли изъ корня два нн, а въ послѣднемъ ґ. Такія измѣненія въ Симическихъ словахъ случаются нерѣдко, такъ что иногда при чтеніи текста съ трудомъ отгадаешь корень. Симическіе языки, имѣющіе также сродство съ Индо-Европейскими **), отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что они въ своемъ грамматическомъ развитіи предупредили Индо-Европейскіе и не развили, какъ должно, ни склоненій, ни спряженій. У нихъ въ склоненіяхъ недостаетъ нѣкоторыхъ падежей, а въ спряженіяхъ — настоящаго и прошедшаго несовершеннаго времени. Нѣтъ также степеней сравненія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ есть въ Индо-Европейскихъ языкахъ *). Наши однократные и совершенные виды глаголовъ, удивительно, какъ близко походятъ на глаголы симическіе. Замѣтимъ, что Симическіе глаголы имѣютъ въ прошедшемъ времени роды также, какъ и Русскіе глаголы въ своихъ прошедшихъ временахъ. Такія прошедшія времена какъ Симическихъ, такъ древне-Славянскаго и Русскаго языковъ грамматики принимаютъ теперь за усѣченныя причастія или отглагольныя прилагательныя: но то ли онѣ въ самомъ дѣлѣ, за что ихъ принимаютъ грамматики? По моему мнѣнію, нѣтъ. Если бы онѣ были усѣченныя причастія, или отглагольныя прилагательныя; то бы онѣ употреблялись и въ неусѣченномъ видѣ: а такъ какъ онѣ въ послѣднемъ видѣ не употребляются, то онѣ не причастія и не отглагольныя прилагательныя. Притомъ же, если бы онѣ имѣли качества отглагольныхъ прилагательныхъ или причастій: то вспомогательный глаголъ, долженствовавшій находиться при нихъ, не могъ бы исчезнуть изъ языка, какъ это случилось въ Русскомъ языкѣ. Чтожъ означаетъ такое явленіе въ языкахъ? Боппъ объясняетъ его соприкосновеніемъ или родствомъ глагола съ именемъ. По его мнѣнію, глаголъ, находясь въ соприкосновеніи или родствѣ съ именемъ, получаетъ приставки падежей въ личныхъ окончаніяхъ и различіе родовъ въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. Симическихъ, въ нашемъ Русскомъ и въ древне-Славянскихъ нарѣчіяхъ, особливо въ двойственномъ числѣ **). Въ слѣдствіе сего, продолжаетъ Воппъ, противоположность между именемъ и глаголомъ язычно нѣкоторымъ образомъ

---

*) Слово: *Семитическій* нельзя ли намъ замѣнить словомъ: *Симическій.* Мы православные можемъ произвесть отъ *Сима* — *Симичи*, т. е. народы, произшедшіе отъ праотца Сима, а отъ Си́мичи — *симическій*, напр. *симическіе языки*, *симическія поселенія*. У Нѣмцевъ *Симъ* называется *Sem*, отъ него *Semiten*, а отъ послѣдняго: *Semitische Sprachen*. Правда, не всѣ народы, говорившіе языками, сродными съ Еврейскимъ, происходили отъ Сима, напр. *Финикіане*, *Карѳагенцы* и *Еѳіопляне* были потомки *Хама*, равно не всѣ *Симичи* говорили Симическими языками, напр. *Эламиты* и *Ассиріане:* но Нѣмцы употребляютъ *Semiten* и *Semitische Sprachen*, какъ выраженія *техническія*. *Эйхгорнъ* первый, въ концѣ прошедшаго столѣтія изобрѣлъ эти выраженія и ввелъ въ употребленіе. *Симическими* языками называются: *Арамейскій*, распавшійся на *Сирскій* и *Халдейскій; Еврейскій*, *Самаританскій*, *Арабскій*, *Финикійскій* и *Еѳіопскій*. Послѣдній отличается отъ прочихъ Симическихъ языковъ тѣмъ, что читается отъ лѣвой руки къ правой.

**) *См.* Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, 1840. Том. IV. стр. 139—144. — Eine große Menge semitischer Stamm- und Wurzelwörter kommt mit denen des indogermanischen Stammes überein, und nicht blos solche, worin das schallnachahmende Element noch deutlich hervortritt, sondern auch diejenigen, in welchen es sich durch mannigfache Uebertragung verloren hat, nicht mehr verfolgen läßt, oder gar nicht stattfinden konnte. *См.* *Gesenit*, Hebräische Grammatik, 12 Auflage. Leipzig. 1839. S. 3. Ниже представлено въ ней множество тому примѣровъ.

*) Отсюда исключается Арабскій языкъ, какъ самый гибкій изъ нихъ, имѣющій степени сравненія, падежныя окончанія въ поэзіи и особенный родъ, выражать множественное число не окончаніями, но преломленіемъ единственнаго числа и перемѣною гласной буквы. При этомъ только переходѣ Арабскихъ именъ изъ единственнаго числа во множественное можно сказать въ точномъ смыслѣ, что онѣ измѣняются *внутри*; но такая перемѣна не простирается на другіе Симическіе языки.

**) *Двойственное число* Славянскихъ нарѣчій въ филологическомъ отношеніи очень достопримѣчательно. Оно сохранилось намъ какъ бы для того, чтобъ убѣдить насъ, что глагольныя формы съ родовыми окончаніями — не причастія и не отглагольныя прилагатель-